

Трансформация практик коммеморации Великой Отечественной войны в современной России

Т. В. Степанцевич

аспирант направления «Культурология»,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.
Россия, г. Симферополь. ORCID: 0000-0001-6956-6985. E-mail: tanya_stepantsevich@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящей статьи обусловлена возрастающим интересом к теме Великой Отечественной войны как в обществе, так и в научных кругах профессиональных историков, культурологов, социологов. Уход поколения непосредственных участников событий приводит к политизации трактовок исторического события и «войнам памяти» на мировой арене. Коллективная память обеспечивает ощущение непрерывности в сохранении воспоминаний о событии и преемственности поколений. Однако в то же время воспоминание, проходя путь развития от индивидуальной памяти до культурной, трансформируется, переоценивается последующими поколениями, преломляется в процессе формирования исторического мифа и направленных действий акторов политики памяти. Всё это делает необходимым изучение механизмов формирования культурной памяти о войне и трансформации травматичного исторического опыта в общее воспоминание о героическом прошлом на современном этапе.

Целью данной статьи является выявление и анализ векторов трансформации образа Великой Отечественной войны в коммеморативных практиках современной России.

В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что образ Великой Отечественной войны в культурной памяти амбивалентен, так как включает в себя одновременно пафос героического и эстетику ужасного, сохраняет воспоминание о триумфе и неизменно связана с памятью о миллионах погибших людей. Попытки использования памяти о Великой Отечественной войне в качестве мифа-основания в формировании российской идентичности приводят к реализации коммеморативных практик, направленных на укрепление образа народа-освободителя, что приводит к доминированию героического и трансформации ужасного в трагическое.

Данные настоящей статьи могут быть использованы в дальнейших исследованиях культурной памяти о Великой Отечественной войне, применяться на лекционных и практических занятиях студентов профильных специальностей.

Ключевые слова: культурная память о войне, миф о прошлом, культурная травма, прекрасное, безобразное.

Коллективная память воплощается в различных формах – путем институционализации памяти (создания музеев, архивов, выставок и т. д.); через создание мемориальных ландшафтов, с одной стороны сохраняющих достоверные «следы» и свидетельства прошлого, а с другой стороны, воплощающих образ прошлого в современных художественных и пластических формах; а также отражается в символических и ритуальных формах, получивших название «коммеморативных практик» (например, проведение парадов, поминовение павших, возложение цветов к Вечному огню, чествование ветеранов и т. д.).

Несмотря на то что термин «коммеморация» прочно вошел в научный оборот, на сегодняшний день нет единого подхода к его определению. Опираясь на изученный теоретический материал, дадим следующее определение коммеморации – это один из способов сохранения и передачи культурной памяти о событиях и выдающихся личностях прошлого, связанный с визуализацией образов прошлого в настоящем и направленный на формирование идентичности социальной группы посредством развития определенного отношения к прошлому. Исследователи в области Memory Studies выделяют множество видов коммеморативных практик: возведение и уничтожение памятников, наименование и переименование улиц

и населенных пунктов, открытие музеев, выставок и экспозиций, учреждение праздников, создание новых или воссоздание старых ритуалов и традиций, освещение события в медиа-пространстве, проведение торжественных собраний и чествование участников памятного события, научная репрезентация и др.

Отечественный исследователь А. А. Линченко, применив к анализу массового исторического сознания методологию деятельностного подхода, подразделяет коммеморативные практики на повседневные и неповседневные. В качестве критерия классификации автор выделяет отношение к прошлому. В случае неповседневных коммеморативных практик прошлое выступает в качестве центрального, созидающего элемента. Это намеренное обращение к истории, воспоминаниям и прошлому опыту. В отличие от неповседневных практик, повседневная коммеморация проявляется в ненамеренном обращении к прошлому в рамках различных видов культуры повседневности – в быту, труде, ежедневном досуге. Неповседневная коммеморация направлена на мемориализацию конкретного события в прошлом, в то время как формирование знаний о прошлом в контексте повседневных коммеморативных практик носит фрагментарный характер и находится в прямой зависимости от характера деятельности [11, с. 121–122].

Однако следует понимать, что коммеморации передают нам не объективное знание о событиях прошлого, а закрепляют в коллективной памяти символические образы этого события, схожими по своим свойствам с симулякрами Ж. Бодрийера. Они фрагментарны и условны и никогда не отражают полную картину произошедшего. Образ прошлого превращается в символическую фигуру, которая придает сохраняемому в коллективной памяти событию прошлого сакральность. В статье «Историческая память: проблемы манипуляции» Е. В. Романовская обращает внимание на то, что образность прошлого позволяет конструировать необходимую историческую и культурную память в соответствии с требованиями современности [16, с. 47]. Сакральный характер прошлого выражается в ритуальном характере коммеморативных практик, их связи с определенными местами памяти – местами совершения подвигов, смерти героев и т. д. Э. Дюркгейм, изучавший коммеморацию в архаичных сообществах, назвал такую связь «имплицитной коммеморацией» [цит. по 4, с. 145–146]. Французский социолог и философ отмечал в своих работах, что сакральное прошлое часто воскрешается в форме праздника, что не только способствует сохранению традиций и культурного своеобразия сообщества, но также оказывает влияние на укрепление его идентичности и развитие политической солидарности.

Коммеморативные практики выступают некоей структурой культурной памяти, связывающей индивидов на основе воссоздающихся в настоящем нарративов и воспоминаний о прошлом. Мнемонические нарративы отражают не столько фактический опыт индивидов, сколько сформированный политикой культурной памяти миф об историческом событии. При этом миф отражает не просто представления современного поколения об историческом прошлом, но, по мнению Я. Ассман, является истиной высшего порядка, соответствующей действительности, притязавшей на нормативность и обладающей формирующей силой [3, с. 83]. Мифологизация истории обусловлена избирательностью политики памяти в процессе конструирования общего прошлого и консолидации общества в «Мы-группу». Фиксация в коллективной памяти определенных событий прошлого неразрывно связана с забвением и умалчиванием иных событий. Как отмечал в своих работах французский философ Э. Ренан: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации» [15]. Причем при определенных условиях (например, в случае изменения политической ситуации) события, до этого подверженные забвению как неважные для формирования национальной идентичности, могут быть выявлены и превращены в новые доминанты культурной памяти. Таким образом, культурная память не фиксирует исторические факты прошлого, а прежде всего, обращается к эмоциональным, нравственным и политическим оценкам событий прошлого с позиции современности.

Коллективная память через мнемонические символы и образы коммеморативных практик превращает историческое событие в нарратив, который может быть декодирован каждым индивидом. Во многом культурная память формируется акторами политики памяти, что приводит к ее институционализации и отражению в соответствующем законодательстве. По мнению немецкого ученого Я. Ассмана, культурная память зарождается на этапе угасания памяти коммуникативной, когда уходят последние свидетели исторического события [3, с. 53]. Поэтому основными носителями воспоминаний на этом этапе выступают тексты и об-

разы, коммеморативные практики и институты памяти, которые конструируют прошлое через отбор исторических фактов, подтверждающих доминирующий нарратив (или, по терминологии Я. Ассмана, – миф). Закрепление доминирующего нарратива в коллективном сознании на этом этапе как раз и происходит благодаря созданию необходимой эмоциональной атмосферы и вовлеченности каждого человека. Социологи и психологи отмечают важность эмоциональной памяти на регуляцию поведения и деятельности человека, а также на сохранение в памяти не только самих чувств и эмоций, но и предметов и явлений, которые связаны с ними [20, с. 21]. Культурная память неразрывно связана с памятью индивидуальной, что позволяет ей использовать эту биологическую закономерность. Эмоциональную вовлеченность и приобщение человека к сохранению коллективной памяти об историческом событии обеспечивает выбор определенных эстетических доминант, вокруг которых и выстраивается миф о прошлом. С одной стороны, выбор эстетических доминант обуславливается традициями и социально-политической ситуацией. С другой стороны, становясь фундаментом для новых «изобретенных» традиций и коммеморативных практик, эстетические доминанты формируют ценностное отношение к историческому событию в обществе.

Обратимся к анализу культурной памяти о Великой Отечественной войне в России и выделим в ее структуре эстетические доминанты, формирующие героическую мифологию, консолидирующую российское общество.

Культурная память о войне, как и память о любом другом историческом событии, проходит определенный путь развития, этапы которого можно обозначить в соответствии с видами памяти, выделенными А. Ассман [2, с. 222–230]:

– Индивидуальный – период «живых» воспоминаний непосредственных участников событий. Воспоминания о событии субъективны и автобиографичны, они связаны с непосредственным опытом и переживаниями индивида. По отношению к самому событию индивидуальные воспоминания фрагментарны, являясь лишь частью этого события и не отражая объективно картину произошедшего целиком.

– Межпоколенческий – этап формирования коммуникативной (социальной) памяти. «Живые» воспоминания участников события передаются посредством коммуникации последующим поколениям. На этом этапе формируются коммеморативные практики и ритуалы, воспоминания выражаются в символах. Примерами коммеморации этого этапа могут быть создание семейных альбомов, сохранение мемуаров и личных дневников, вещей, свидетельствующих об участии в событии. Индивидуальное воспоминание становится ценностью и принадлежит уже не только участнику событий, но некоему коллективу, который переосмысливает индивидуальный опыт участника событий с учетом современных коллективу реалий.

– Мифологизация прошлого и формирование культурной памяти. Основная задача этого этапа – выбор доминирующего нарратива, который послужит мифом-основанием для формирования национальной идентичности и консолидации общества. Источниками для формирования доминирующего нарратива могут послужить как исторические свидетельства, так и художественные произведения. Основным носителем воспоминания на этом этапе выступают символические медиаторы в виде текстов, образов, ритуалов.

Рассмотрим, какие эстетические доминанты можно выделить в символической матрице Великой Отечественной войны как травматического события и сравним их с теми доминантами, которые формируют культурную память о войне на современном этапе становления культурной памяти о войне.

Попытки философского осмысления войны, предпринимаемые на протяжении столетий от древнегреческих философов до современных мыслителей, подтверждают противоречивый характер этого социально-культурного явления. Обобщив всё многообразие работ, посвященных исследованиям природы войны, можно выделить два противоположных подхода к ее пониманию [14, с. 28]:

– Осуждение войны как безусловного социального зла и порока человечества. К приверженцам этого взгляда в разное время относились Платон, М. де Монтень, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, А. де Ламартин, В. Гюго, Л. Толстой.

– Оправдание войны как необходимого условия социального, экономического, политического и даже духовного развития. Так, в исследованиях войны как социально-политического явления с позиций метафизики отмечается, что война – это период пробуждения героического начала. Среди разделяющих этот взгляд мыслителей можно назвать Гераклита, Аристотеля, Н. Макиавелли, Г. Гегеля, К. фон Клаузевица, Ф. Ницше, Ю. Эвола, В. Соловьева.

Следует отметить, что философское осмысление войны как социально-политического явления предполагает некое абстрагирование предмета исследования и отличается от образа войны, сложившегося у ее непосредственных участников и свидетелей. На дифференциацию в создании образа войны обращает внимание Е. С. Сенявская в монографии «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России»: «*Субъект восприятия, формирования* этого образа может быть весьма дифференцированным: это и массовое общественное сознание, это и высшее политическое, а также военное руководство, и наконец, это армейская масса, включающая низшее и среднее командное звено. <...> Естественно, чем ближе субъект к высшим звеньям управления, то есть к точкам пересечения информационных потоков и структурам, принимающим решение, тем выше доля интеллектуальных, рациональных компонентов как в формировании образа войны, так и в его структуре. Соответственно, массовое общественное сознание ориентируется прежде всего на эмоциональные компоненты...» [18]. Исследователь выделяет три этапа формирования образа войны:

– Прогностический – образ, формируемый накануне события. Как правило, характеризуется отсутствием адекватной эмоциональной оценки и недооценкой противника, носит патриотический характер.

– Синхронный – образ, который формируется непосредственно во время войны. Характеризуется снижением эмоциональной оценки событий и усилением рационального компонента, связанного с приобретением нового опыта и знания о войне. Образ формируется под воздействием непосредственно пережитого, связан с фронтовыми буднями и бытом, участием в боях с противником, жертвами и тяготами военной действительности. Патриотическая составляющая образа меняет свою модальность, теряя идеализм, характерный для прогностического образа.

– Ретроспективный – образ, созданный в результате профессионального анализа войны как исторического события специалистами различных сфер (историками, политиками, военными, журналистами, социологами, психологами и т. д.). Этот образ характеризуется низкой эмоциональностью, насыщенной событийностью, рациональностью. Но в то же время ретроспективный образ выступает основным элементом коллективной памяти о войне, что делает его инструментом в руках политиков и идеологов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что образ войны не статичен. Он подвержен постоянным изменениям, зависящим от множества факторов: опыта и социального статуса непосредственных участников события, от времени, когда был создан образ, от акторов, участвующих в его создании. Меняется модальность образа, соотношение эмоционального и рационального в нем. Наиболее всеобъемлющим и разноплановым является ретроспективный образ войны, но он же и наиболее пластичен, поскольку этот образ постепенно теряет прямую связь с фронтовиками и свидетелями войны, а в его создании участвуют множество преследующих различные цели акторов, которые не были непосредственными участниками исторического события.

Культурная память о войне детерминирована ее ретроспективным образом, поэтому изменяется вместе с ним. Чем больше времени проходит, тем менее личным становится воспоминание и тем больше факторов оказывают влияние на то, *что* мы помним и какое представление у нас складывается о войне.

С момента окончания Второй мировой войны прошло 75 лет, а это значит, что коллективная память об этом событии находится на этапе перехода от коммуникативной к культурной памяти (в терминологии Я. Ассман). С одной стороны, уже практически ушли из жизни очевидцы и участники событий, но их «живые воспоминания» еще сохраняются в памяти последующих поколений, поэтому память о событии сохраняет личностное значение, позволяет обществу чувствовать свою сопричастность к нему. С другой стороны, как отмечают И. В. Грибан и И. А. Попп, современное подрастающее поколение редко обращается к «живым» воспоминаниям. Память о Великой Отечественной войне приобретает абстрактный характер, и акторы памяти вынуждены конструировать новые способы коммеморации, доступные пониманию молодежи в условиях информационного общества [7, с. 113]. Достаточная временная отдаленность событий Второй мировой войны в отношении ныне живущих дает возможность мифологизировать эти события в соответствии с национальными интересами современных государств.

Отметим, что культурная память о войне – это всегда обращение к событию травматическому. Понятие «травмы» заимствовано гуманитарными науками из медицины, а позднее

из психиатрии в XX в., что было связано с многочисленными военными конфликтами и глобальными потрясениями. Точного определения культурной травмы не существует. Это, скорее, концепт, который лег в основу одного из молодых направлений в рамках Memory Studies. В его основе – идея о том, что некое реальное историческое событие, подрывающее привычный уклад жизни, разрушающее существующие элементы культуры или культуру в целом, наносит физический и эмоциональный удар не только отдельным индивидам, но и социальной группе в целом и в дальнейшем оказывает влияние на ее культурное развитие. Так, современный исследователь культурной травмы Р. Айерман отмечает: «Во время экономических кризисов или войны личная потеря у одного человека тесно связана с потерями у других людей. Кумулятивный эффект только углубляет травму, в результате чего чувство принадлежности к сообществу, коллективная, как и индивидуальная, идентичности расшатываются» [1].

В понимании П. Штомпки культурная травма представляет собой динамично развивающийся процесс, смысл которого заключается в деструктивном влиянии на социальное тело общества [24]. При этом исследователи культурной и коллективной травмы отмечают, что в ней заложено не только деструктивное, но и конструктивное начало: разрушая привычный повседневный уклад жизни, такое явление обнаруживает новые и/или возрождает забытые ценности и смыслы. Российский исследователь С. Ушакин предлагает рассматривать травму не только в качестве негативного опыта потери или разрушения, но также и как объединяющий общество фактор, и даже как символическую матрицу [21, с. 8–9].

В научном дискурсе, посвященном исследованию культурной травмы, выделяют фигуры жертвы и палача (или преступника, лица ответственного за страдания жертвы), а также свидетелей – первичного, непосредственно наблюдавшего события, и вторичного, осмыслившего эти события и засвидетельствовавшего их в культурном пространстве (писатели, художники и т. д.) [2, с. 65–88].

Интересная модель формирования мифов-оснований в отношении Второй мировой войны представлена в работе немецкого социолога Б. Гизена «Триумф и травма». Исследователь выделяет четыре архетипических образа, вокруг которых выстраивается пространство коллективной памяти: триумфатор, трагический герой, жертва и преступник [Цит. по 22, с. 114]. Так, в России и в большинстве стран постсоветского пространства закрепился образ народа-триумфатора, освободившего мир от фашизма. В основе мифа-основания о Второй мировой войне для евреев находится фигура жертвы, так как события войны ассоциируются с Холокостом и геноцидом еврейского народа. Фигура преступника является центральной в пространстве памяти Германии, что обуславливает процесс мифологизации событий на основании чувства вины и ответственности за произошедшее, формируя национальную идентичность современного поколения [9, с. 18–19]. Таким образом, в каждом из случаев архетипический образ будет определять разный набор эстетических доминант, образующих пространство памяти.

Соглашаясь с Б. Гизеном в его выборе фигуры триумфатора в качестве центрального образа коллективной памяти о Великой Отечественной войне, проанализируем особенности коммеморации войны в современной России, выделим основные эстетические доминанты в ее структуре и проследим, какие смыслы в пространстве культурной памяти они образуют.

Память о Великой Отечественной войне занимает особое место в современной мемориальной культуре. Основываясь на результатах анализа политического дискурса современной России, отечественный исследователь О. Ю. Малинова приходит к выводу, что после распада СССР культурная память о Великой Отечественной войне используется в качестве мифа-основания в утверждении российской национальной идентичности [12, с. 193]. Это обуславливает повышенное внимание со стороны государства к формированию культурной памяти о Великой Отечественной войне и использованию различных коммеморативных практик, направленных на формирование объединяющего метанарратива.

Говоря о мемориализации Великой Отечественной войны в России, следует отметить, что в реализуемых коммеморациях отражается амбивалентный характер философского осмысления войны. Официальный мемориальный нарратив о Великой Отечественной войне конструируется на основе героической символики. Героическое исключительно социально по своей природе. Оно сопряжено с борьбой во имя благородных целей, готовностью пожертвовать собственной жизнью за счастье людей. Пафос героизма находит свое отражение, прежде всего, в праздновании Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Патетика героизма и триумфа в основу мемориализации войны была заложена уже в 1945 году. Так, в опубликованном в газете «Правда» № 111 от 10 мая 1945 года обращении И. В. Сталина победа в войне несколько раз именуется великой: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию» (здесь и далее курсив автора. – С. Т.). И далее в этом же обращении: «... наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом»; «Отныне над Европой будет развиваться великое знамя свободы народов и мира между народами». Даже упоминание о жертвах войны подчеркивает героическую составляющую события: «великие жертвы» принесены «во имя свободы и независимости нашей Родины», «неисчислимые лишения и страдания <...> не прошли даром и увенчались полной победой над врагом». Кульминацией обращения становятся торжественный призыв к триумфальному признанию славы советского народа и воинов Красной Армии:

«СЛАВА НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ОТСТОЯВШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ И ЗАВОЕВАВШЕЙ ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ!

СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ НАРОДУ, НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГОМ И ОТДАВШИМ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ НАШЕГО НАРОДА!» (выделено редакцией газеты. – С. Т.) [13, с. 1].

Эти словосочетания и фразы стали своеобразной формулой мемориализации Великой Отечественной войны в историческом и политическом дискурсах современной России, заложили основу в процессе сакрализации значимого для общества события и превратили его в духовную ценность, сплачивающую нацию. Обращение к героизму Красной Армии, фигуре народа-победителя и сакрализация павших в боях остаются неизменными элементами, вокруг которых выстраивается государственная коммеморация. Подтверждение этому можно найти в официальной речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на параде 24 июня 2020 года: «И невозможно даже представить, что стало бы с миром – не встань на его защиту Красная Армия»; «Именно наш народ смог одолеть страшное, тотальное зло, разгромил более шестисот дивизий врага, <...> до победной точки прошёл свой героический, праведный, беспрельдно жертвенный путь»; «Сегодня мы склоняем головы перед светлой памятью всех, кто не пришёл с войны»; «Слава поколению, победившему нацизм! Слава героям Отечественной войны!» [5].

В своей речи Президент обращается и к обратной стороне войны – разрушениям, смерти, потере близких: «Мы всегда будем помнить, что нацизм сокрушил – советский народ, миллионы людей разных национальностей из всех республик Советского Союза», «Они [солдаты Красной Армии. – С. Т.] стремились добить врага, одержать Победу и вернуться домой. И заплатили за свободу Европы невосполнимую цену: многие сотни тысяч бойцов полегли на чужбине. Наш долг – помнить об этом. Помнить о том, что на советский народ пришлось основная тяжесть борьбы с нацизмом» [5]. Обращение к теме смерти и потерь в речи В. В. Путина вызывает эмоциональный отклик людей через эстетическую доминанту трагического. В контексте культурной памяти о войне, важность формирования и сохранения которой особо подчеркивается Президентом, трагическое отражает объективные глубокие противоречия, вызванные столкновением противоположных социально-политических сил. Война – переломная эпоха. Героизм воинов и борцов за новую мирную жизнь сопряжен с катастрофическими в масштабах как личности, так и общества последствиями. Великая Отечественная война являлась оборонительной войной для СССР. Война длилась почти четыре года, навсегда изменив жизни отдельных людей и судьбы государств. Эта война носила всенародный характер, что подчеркивает ее трагичность. Оценки общих потерь личного состава СССР колеблются от 29,6 до 31 млн чел. [17, с. 108].

Наиболее ярко в официально мемориальном дискурсе о войне трагическое проявляется в традиционной минуте молчания, сопровождаемой звуками метронома и стихотворением Р. Рождественского «Реквием». Трагическое позволяет смягчить ужасное и безобразное, связанное с воспоминаниями о войне, так как дает надежду на преодоление трудностей. Трагическое величественно, ведь человек не подчиняется обстоятельствам, а властвует над ними. Смерть утверждает победу над обстоятельствами. Трагический исход подчеркивает нравственно-эстетический прогресс, поэтому звучит призыв помнить «через века, через года» и быть «вечно достойными» памяти павших. Одновременно трагическое, встраиваясь в культурную память о войне, вызывает смешанное чувство сострадания и страха перед войной, что

приводит к ощущению сопричастности и даже катарсису поколений, которые знакомы с войной лишь опосредованно.

В современной модели коммеморации Великой Отечественной войны, трагическое позволяет выстроить смысловую связь с героическим, в крайней своей степени превращаясь в патетическое. Особый пафос особенно характерен для этапа мифологизации – когда коллективная память утратила осязаемую связь с событием, а от некогда трагического восприятия событий, которые можно встретить в «живых воспоминаниях» участников войны, в культурной памяти последующих поколений остаются героические символы, вокруг которых выстраивается мемориальный нарратив, воплощаемый в коммеморативных практиках, мемориальных ландшафтах и художественных произведениях. Очень ярко это проявляется в отечественном кинематографе. В последние годы главными персонажами киноленты о Великой Отечественной войне, вышедших в прокат на большие экраны, стали известные всем герои войны: Зоя Космодемьянская (фильм «Зоя»), Людмила Павличенко («Битва за Севастополь»), 28 панфиловцев («28 панфиловцев») и другие. В основу сюжета часто ложатся известные примеры проявления мужества и героизма (например, х/ф «Матч», «Несокрушимый», «Ржев»). По нашему мнению, это связано с необходимостью в создании новых ценностно-нравственных символов, которые могли бы выступить в качестве опоры героического нарратива о Великой Отечественной войне через определенные эстетические доминанты. Такими ориентирами и опорами становится обращение к общеизвестным героическим символам. Подвиг одного человека или небольшой группы людей побуждает к восхищению героическим примером, рассматривается в качестве поведенческого паттерна в условиях опасности. Герои превратились в символы войны. Однако, как отмечает в своем исследовании Е. С. Сенявская, герои-символы перестают принадлежать себе, они становятся частью идеологии и мифотворчества, превращаясь в основополагающие и смыслообразующие структурные элементы в дискурсе коллективной памяти о Великой Отечественной войне.

Анализ истории возникновения государственных коммеморативных практик и «изобретенных традиций» празднования Дня Победы приводит к выводу о том, что этот праздник прошел путь от исторически значимой даты, память о которой сохранялась непосредственными свидетелями и участниками Великой Отечественной войны, до мифа-основания о народо-триумфаторе, конструирующего культурную память многонационального российского общества в целях формирования национальной идентичности и легитимации власти. Об этом свидетельствуют примеры коммеморации войны «сверху» в различные исторические периоды.

Так, проведенный анализ выборки номеров газет «Слава Севастополя», изданных в 1950-е годы, показал, что для увековечения памяти о Великой Отечественной войне ни на государственном, ни на региональном уровне в этот период не использовались специальные коммеморативные практики, поскольку ядром коллективной памяти о войне оставались, прежде всего, «живые» воспоминания очевидцев, непосредственное переживание события большинством населения как личную историю, историю своей семьи, своего поколения, своего города и т. д. Отсюда лаконичность, отсутствие излишнего пафоса: из традиционных для празднования Дня Победы в современной России мероприятий – только праздничный салют. Среди основных коммеморативных практик этого периода можно назвать также: торжественные заседания, социалистические соревнования (трудовые достижения в честь Победы) и лектории на производствах, приуроченные к празднику, публикации литературных произведений на страницах газет, установка памятников [19]. Отметим, что именно такой «сценарий» коммеморации отражает желание государства закрепить в семантике памятного события коннотативные маркеры героического, трагического и патетического, которые и легли в основу дальнейшего концептуального развития мемориализации Великой Отечественной войны в СССР и современной России.

С 1965 г. празднование Дня Победы начинает приобретать знакомые современному россиянину черты: статус государственного праздника, парад на Красной площади (впервые за 20 послевоенных лет), закрепленное на законодательном уровне почетное звание города-героя. Новые коммеморативные практики подчеркивают трагический характер войны: объявление публичной минуты молчания на радио и телевидении, открытие Могилы Неизвестного Солдата в Александровском саду Московского Кремля и зажжение Вечного огня на ней (1967 г.), в 1975 году впервые была исполнена песня Д. Тухманова «День Победы». День Победы неразрывно связан с образом «праздника со слезами на глазах».

Новое семантическое прочтение памяти о войне приобретает уже в постсоветское время. По нашему мнению, это связано, прежде всего, с ситуацией, сложившейся в обществе после

развала Советского Союза, когда прежние устои и ценности были разрушены, а независимая Россия только начинала свое становление. В таких условиях необходимо было найти точку консолидации общества, сферу преемственности и сохранения традиций. Праздник Победы позволял объединить несколько поколений россиян – от участников Великой Отечественной войны до их внуков и правнуков, что предопределило выбор именно этого исторического события в качестве консолидирующего мифа-основания. В 1995 г. На государственном уровне учреждается традиция ежегодного празднования Дня Победы с набором неизменных коммеморативных практик, центральной из которых стал ежегодный парад на Красной площади в Москве, который является выражением героического и патетического, утверждая триумф советского народа и подчеркивая историческую преемственность поколений.

С другой стороны, Великая Отечественная война все еще остается личным опытом для многих российских семей благодаря коммуникативной памяти (в терминологии Я. Асман) и межпоколенческим связям, что способствует зарождению коммеморативных практик «снизу». Примером такой акции может послужить «Бессмертный полк». Поддержанная государством, изначально небольшая акция в Томске, направленная на сохранение памяти об уходящих ветеранах, стала общенациональной и приобрела героический пафос памяти о вкладе каждого в Великую Победу. Благодаря созданию эмоциональной атмосферы личной сопричастности к значимому историческому событию коммеморативная практика стала использоваться государством с целью консолидации общества.

Обращение к теме войны как источника бедствий и непреодолимого несчастья происходит в современном мемориальном дискурсе России все реже в контексте Дня Победы. Чем больше времени проходит с момента Победы в Великой Отечественной войны как исторического события, тем больше коммеморативные практики приобретают характер праздника: проводятся концерты, исполняются песни военных лет, устраиваются танцевальные стилизованные акции (например, акция «Рио-Рита радость Победы»).

Мемориальные практики, связанные с парадигмой ужасного в теме войны, реализуются в другой день – День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны. Коммеморативные практики, реализуемые в этот день, утрачивают пафос триумфа, в них усиливается патетика трагического. 22 июня приспускаются государственные флаги, проводятся поминальные молебны, проходит акция «Свеча памяти», возлагаются цветы к братским могилам. Память о мужестве и личном бесстрашии воинов-освободителей уступает место воспоминаниям о гибели миллионов солдат, женщин, стариков, детей.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Формирование коллективной памяти о значимом историческом событии проходит в несколько этапов, поступательно развиваясь от личных воспоминаний непосредственных участников события до культурной памяти, выполняющей функцию консолидации общества. Коллективная память о Великой Отечественной войне, завершившейся более 75 лет назад, находится на этапе перехода от коммуникативной к культурной памяти, о чем свидетельствуют попытки акторов политики памяти мифологизировать данное историческое событие и выработать на его основе исторический метанарратив с целью сплочения российского общества и поддержки российской идентичности.

2. Амбивалентность философского осмысления войны как социального явления, культурологическое восприятие войны как травматического прошлого обуславливают необходимость обдуманного и детального выбора смыслообразующих символов в мемориальном нарративе. В современной России в качестве центрального символа выступает образ народа-триумфатора, вокруг которого выстраивается мемориальный нарратив о героизме Красной Армии, мужестве павших, народе-освободителе, о героях, ставших символами войны.

3. В качестве инструментов формирования культурной памяти о Великой Отечественной войне государство использует коммеморативные практики, которые выстраиваются вокруг эстетических категорий героического, патетического и трагического. Пафос героизма и центральные образы современного мемориального дискурса России о Великой Отечественной войны были заложены непосредственно после ее завершения, в то время как модель коммеморации этого исторического события всё еще находится в стадии формирования: вводятся новые «изобретенные традиции», появляются новые коммеморативные практики. Возвышенное и героическое в канве воспоминаний, образующих культурную память о войне, возводятся в ранг нормативности, в то время как низменное преподносится, скорее, как явление исключительное. Ужасное трансформируется в трагическое. Патетика героизма и пат-

риотизма определяет характер коммеморативных практик, находит отражение в пластическом искусстве и в художественных произведениях. Даже в скорби по павшим мы обращаемся прежде всего к воспоминаниям об их героизме, наполняя факт их гибели символическим значением возвышенного чувства долга и любви к Родине, обращаемся к пафосу трагедии. Чем больше времени отделяет культурную память от самого события, тем более размываются границы парадигмы безобразного. Культурная память идеализирует войну, что грозит превращением реального исторического события в абстракцию.

Список литературы

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память / Рон Айерман; пер. с англ. Н. Поселягин // НЛО. 2016. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 26.09.2020).
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социологическое обозрение. 2014. Т. 3. № 2. С. 141–167.
5. Выступления Президента России на военном параде. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (дата обращения: 22.02.2021).
6. Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 18–21.
7. Грибан И. В., Попп И. А. Не потерять связь поколений: проект «Живая история. 70 лет Великой Победы» // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 112–117.
8. Краткий словарь по эстетике. URL: <https://estetiks.ru> (дата обращения: 03.10.2020).
9. Кривцун О. А. Эстетика : учебник / О. А. Кривцун. М. : Аспект Пресс, 2000. 434 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Krivcun/_Index.php (дата обращения: 03.10.2020).
10. Кузнецова Т. В. Эстетика трагического и комического (категория философского осмысления истории) // Философия и общество. 2012. № 4. С. 124–141.
11. Линченко А. А. Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 116–127.
12. Малинова О. Ю. Разговоры о «модернизации»: Анализ практики «общественных дискуссий» в современной России / О. Ю. Малинова // Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. Науки ; ред. кол. : Малинова О. Ю., гл. ред. и др. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 182–201.
13. Обращение тов. И. В. Сталина к народу // Правда. 1945. № 111 (9882). С. 1.
14. Печенкин А. А. Философия войны: история и современность / А. А. Печенкин // Новые идеи в философии: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь : Зебра, 2015. С. 27–33.
15. Ренан Э. Что такое нация? / Э. Ренана. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 25.09.2020).
16. Романовская Е. В. Историческая память: проблемы манипуляции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 1. С. 46–49.
17. Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 108–118.
18. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России / Е. С. Сенявская. М. : РОССПЭН, 1999. URL: <https://history.wikireading.ru/126253> (дата обращения: 28.09.2020).
19. Слава Севастополя. 1953–1960 гг.
20. Солодовникова Н. Г. Эмоции, с которыми не хочется расставаться, или Произвольность/непроизвольность эмоциональной памяти // Неофилология. 2017. № 3 (11). С. 20–27.
21. Ушакин С. Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах / Травма: пункты : сборник статей // Сост. Ушакин С. Трубина Е. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
22. Хлевнюк Д. Бернад Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 112–116.
23. Чуркин М. К. «Помнить нельзя забыть»: Великая Отечественная война 1941–1945 годов в коллективной памяти российского общества // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27).
24. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (дата обращения: 02.10.2020).

Transformation of the Great Patriotic War Commemoration practices in modern Russia

T. V. Stepansevich

postgraduate student of the direction "Cultural Studies", Crimean Federal University n. a. V. I. Vernadsky.
Russia, Simferopol. ORCID: 0000-0001-6956-6985. E-mail: tanya_stepantsevich@mail.ru

Annotation. The relevance of this article is due to the growing interest in the topic of the Great Patriotic War both in society and in the scientific circles of professional historians, cultural scientists, sociologists. The departure of a generation of direct participants in the events leads to the politicization of interpretations of historical events and "wars of memory" on the world stage. Collective memory provides a sense of continuity in the preservation of memories of an event and the continuity of generations. However, at the same time, the memory, passing the path of development from individual memory to cultural memory, it is transformed, re-evaluated by subsequent generations, refracted in the process of forming a historical myth and directed actions of the actors of the memory policy. All this makes it necessary to study the mechanisms of the formation of cultural memory of the war and the transformation of traumatic historical experience into a common memory of the heroic past at the present stage.

The purpose of this article is to identify and analyze the vectors of transformation of the image of the Great Patriotic War in the commemorative practices of modern Russia.

As a result of studying various sources, we came to the conclusion that the image of the Great Patriotic War in the cultural memory is ambivalent, since it includes both the pathos of the heroic and the aesthetics of the terrible, preserves the memory of the triumph and is invariably associated with the memory of millions of dead people. Attempts to use the memory of the Great Patriotic War as a foundation myth in the formation of Russian identity lead to the implementation of commemorative practices aimed at strengthening the image of the people-liberator, which leads to the dominance of the heroic and the transformation of the terrible into the tragic.

The data of this article can be used in further studies of the cultural memory of the Great Patriotic War, used in lectures and practical classes of students of specialized specialties.

Keywords: cultural memory of the war, the myth of the past, cultural trauma, the beautiful, the ugly.

References

1. Ayerman R. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat'* [Cultural trauma and collective memory] / Ron Ayerman; transl. from English by N. Poselyagin // NLO – UFO. 2016. No. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (date accessed: 26.09.2020).
2. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New literary research) 2014. 328 p.
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] / Ya. Assman; trans. from the German by M. M. Sokolskaya. M. Yazyki slavyanskoy kultury (Languages of Slavic culture). 2004. 368 p.
4. Vasil'ev A. *Voploshchennaya pamyat': kommemorativnyj ritual v sociologii E. Durkheim* [Embodied memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim] / A. Vasiliev // *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological research*. 2014. Vol. 3. No. 2. Pp. 141–167.
5. *Vystuplenie Prezidenta Rossii na voennom parade* – Speech of the President of Russia at the military parade. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (date accessed: 22.02.2021).
6. Gornova G. V. *Kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoracii v formirovanii gorodskoj identichnosti* [Collective memory and the practice of commemoration in the formation of urban identity] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Herald of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*. 2017. No. 2 (15). Pp. 18–21.
7. Griban I. V., Popp I. A. *Ne poteryat' svyaz' pokolenij: proekt "Zhivaya istoriya. 70 let Velikoj Pobedy"* [No to lose the connection of generations: the project "Living History. 70 years of the Great Victory"] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical education in Russia*. 2015. No. 8. Pp. 112–117.
8. *Kratkij slovar' po estetike* – Short dictionary of aesthetics. Available at: <https://estetiks.ru> (date accessed: 03.10.2020).
9. Krivcun O. A. *Estetika : uchebnik* [Aesthetics : textbook] / O. A. Krivtsun. M. Aspect Press. 2000. 434 p. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Krivcyn/_Index.php (date accessed: 03.10.2020).
10. Kuznecova T. V. *Estetika tragicheskogo i komicheskogo (kategoriya filosofskogo osmysleniya istorii)* [Aesthetics of the tragic and the comic (category of philosophical understanding of history)] // *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and society*. 2012. No. 4. Pp. 124–141.
11. Linchenko A. A. *Kommemorativnye praktiki i massovoe istoricheskoe soznanie: metodologicheskij aspekt* [Commemorative practices and mass historical consciousness: methodological aspect] // *Vestnik Tver-*

skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Herald of the Tver State University. Series: Philosophy. 2015. No. 2. Pp. 116–127.

12. Malinova O. Yu. *Razgovory o "modernizacii": Analiz praktiki "obshchestvennyh diskussij" v sovremennoj Rossii* [Conversations about "modernization": analysis of the practice of "public discussions" in modern Russia] / O. Yu. Malinova // *Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr.* – Symbolic politics : collection of scientific tr. / RAS. INION. Center for Social Science and Information. research Department of polit. M. 2012. Is. 1: Constructing ideas about the past as a power resource. Pp. 182–201.

13. *Obrashchenie tov. I. V. Stalina k narodu* – The appeal of Comrade I. V. Stalin to the people // *Pravda – Truth*. 1945. No. 111 (9882). P. 1.

14. Pechenkin A. A. *Filosofiya vojny: istoriya i sovremennost'* [The philosophy of war: history and modernity] / A. A. Pechenkin // *Novye idei v filosofii : materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', april' 2015 g.)* – New ideas in philosophy : materials of the I International Scientific Conference (Perm, April 2015). Perm. Zebra. 2015. Pp. 27–33.

15. Renan E. *Chto takoe naciya?* [What is a nation?] / E. Renan. Available at: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (date accessed: 25.09.2020).

16. Romanovskaya E. V. *Istoricheskaya pamyat': problemy manipulyacii* [Historical memory: problems of manipulation] // *Intellekt. Innovacii. Investicii* – Intelligence. Innovation. Investment. 2017. No. 1. Pp. 46–49.

17. Rybakovskij L. L. *Lyudskie poteri SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Human losses of the USSR in the Great Patriotic War] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 2000. No. 6. Pp. 108–118.

18. Senyavskaya E. S. *Psihologiya vojny v XX veke. Istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century. Historical experience of Russia] / E. S. Senyavskaya. M. ROSSPEN. 1999. Available at: <https://history.wikireading.ru/126253> (date accessed: 28.09.2020).

19. *Slava Sevastopolya. 1953–1960 gg.* – The Glory of Sevastopol. 1953–1960.

20. Solodovnikova N. G. *Emocii, s kotorymi ne hochetsya rasstavat'sya, ili Proizvol'nost'/neproizvol'nost' emocional'noj pamyati* [Emotions, with which one does not want to part, or Arbitrariness/involuntariness of emotional memory] // *Neofilologiya* – Neophilology. 2017. No. 3 (11). Pp. 20–27.

21. Ushakin S. *Nam etoj bol'yu dyshat'? O travme, pamyati i soobshchestvah / Travma: punkty : sbornik statej* [Do we breathe this pain? About Trauma, Memory and Communities] / *Traumata: Points : collection of articles* // comp. Ushakin S. Trubina E. M. *Novoye literaturnoe obozrenie* (New Literary Review). 2009. 903 p.

22. Hlevnyuk D. *Bernard Gizen. Triumf i travma* [Bernard Giesen. Triumph and trauma] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* – Sociological review. 2010. Vol. 9. No. 2. Pp. 112–116.

23. Churkin M. K. *"Pomnit' nel'zya zabyt'": Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov v kollektivnoj pamyati rossijskogo obshchestva* ["To remember cannot be forgotten": The Great Patriotic War of 1941–1945 in the collective memory of Russian society] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* – Herald of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2020. No. 2 (27).

24. Shtompka P. *Social'noe izmenenie kak travma* [Social change as a trauma] / P. Shtompka. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (date accessed: 02.10.2020).